

УДК 342.5 (091) (045)

**EQUITES – ПРЕФЕКТЫ ПРЕТОРИЯ
В ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЕ РАННЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ****С. В. Телепень**кандидат исторических наук, доцент,
МГПУ имени И. П. Шамякина

В статье анализируется процесс развития властных полномочий префектов претория в Древнем Риме. На основе анализа нарративных источников прослеживается становление главным образом судебных функций командиров преторианской гвардии в эпоху Принципата. Делается вывод о том, что преторианская префектура стала механизмом вовлечения военачальников всаднического ранга в систему государственной власти императорского Рима.

Ключевые слова: преторианская гвардия, префекты претория, нобилитет, императорская власть, судебные полномочия, политическое развитие.

Введение

Преторианская гвардия римских императоров, история ее создания и развития, структура, функции – все это давно привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. В 1992 г. под научным руководством профессора И.С. Свенцицкой, ведущего российского антиковеда того времени, была защищена диссертация на тему “Преторианская гвардия в политической жизни Римской империи в I в. н. э.” С этой работы Ю.А. Ушакова следует отсчитывать начало современного этапа в изучении отечественными антиковедами круга проблем, связанных с историей преторианцев. Уже в указанном исследовании было обращено внимание на то, что, по крайней мере, некоторым префектам претория, т. е. командирам императорской гвардии, в эпоху Принципата удавалось играть роль второго, а иногда (Макрон при императоре Тиберии) даже первого лица в государстве [1, с. 4–6].

Основная часть

Одним из важнейших вопросов, касающихся деятельности префектов претория, является эволюция политико-правовых полномочий этих командиров гвардии, принадлежавших к *equites* (всадническое сословие). Очевидно, что помимо отправления обязанностей по охране столицы, префекты претория входили в группу особо доверенных помощников императора и фактически участвовали в обеспечении его власти. Между тем, сообразно с республиканскими традициями, в период Ранней империи поддерживавшимися особенно настойчиво, управленческий авторитет и при цезарях продолжала выражаться в судебных полномочиях тех, кто

так или иначе по своему положению выполнял обязанности представителя высшей государственной власти. Разумеется, в науке в настоящее время не отрицается, что префекты в эпоху Антонинов и Северов продолжали играть важную военно-политическую роль [2, р. 159–160]. Однако лишь сравнительно недавно в российской историографии была высказана мысль, что к концу II в. префекты претория сосредоточили в своих руках в основном судебную власть: “Творили суд, как бы замещающая принципса и от его имени, поэтому фактически являлись верховными судьями” [3, с. 34]. Таким образом, проблема, которую мы предполагаем рассмотреть в данной статье, – это возникновение судебных (и шире – властных) полномочий префектов претория в период Ранней Римской империи.

При том что судебные полномочия все более переходили к префектам претория и стали особенно значимыми уже к концу II в., в мировой науке было множество дискуссий на этот счет, особенно что касается начала данного процесса. Так, А. Пассерини в свое время утверждал, что префекты с самого начала выполняли эти функции [4, р. 246–251]. С другой стороны, Дж. Крук, споря с Т. Моммзеном, писавшим об оформлении судебной власти префектов претория лишь ко времени Марка Аврелия, указывает на явные признаки таковой уже при императоре Адриане [5, р. 140; 6, р. 70–72]. Этой же точки зрения придерживался Л. Ху [7, р. 32]. При Тиберии префект претория Луций Элий Сеян, без сомнения, участвовал в привлечении некоторых людей к суду. Во всяком случае, М. Грант по этому поводу утверждает, что Сеян в качестве командира преторианской гвардии был ответственным за многие судебные разбирательства по обвинениям в государственных преступлениях, которые имели место в период правления Тиберия: “Как только обвинение было объявлено, в порядке вещей было то, что он лично контролировал преторианских офицеров и солдат гвардии, которые имели физическую возможность схватить или казнить обвиненного” [8, р. 133–134]. Схожее мнение можно обнаружить у Б. Левик [9, р. 195]. Один такой пример, подтверждающий слова М. Гранта, имел место в случае с Кремуцием Кордом, обвиненным двумя клиентами Сеяна “в оскорблении величия”, хотя участие самого префекта, кажется, лишь в покровительстве этим клиентам здесь и состояло (Тас. *Ann.* IV. 34–35). Однако отметим, что закон “об оскорблении величия”, как было достаточно убедительно доказано А.В. Щеголевым, “носил сакральный характер” [10, с. 63]. Действительно, со времени Августа власть главы государства вновь, как это было в царский период, сакрализуется, что нашло, например, выражение в соответствующей латинской и греческой титулатуре основателя династии [11, с. 163–167]. Соответственно, инициатива клиен-

тов Сеяна здесь означает возросшие амбиции командира преторианцев, все менее довольствовавшегося ролью простого исполнителя воли императора.

В источниках не имеется надежных свидетельств относительно прямой вовлеченности Сеяна в проведение допросов или экзекуций; он, судя по всему, предпочитал оставаться в тени. С другой стороны, о его преемнике на посту командира преторианцев (речь о Макроне) известно, что тот лично участвовал в допросах свидетелей (Dio LVIII. 21. 3). Тацит пишет, что Макрон использовал методы своего предшественника, но более коварно: *[Macro] easdem artes occultius exercebat* (Тас. *Ann.* VI. 29. 3) – “который строил такие же козни, но более скрытно” (пер. А.С. Бобовича). Одним из таких примеров является дело против Альбуциллы и ее предполагаемого любовника в 37 г. н. э. (Тас. *Ann.* VI. 47. 3). Эпизод этот в свое время был подробно рассмотрен А. Барретом [12, р. 49–50]. Альбуцилла была бывшей женой Сатрия Секунда, чье имя Тацит связывает с раскрытием «заговора» Сеяна (Тас. *Ann.* VI. 47. 3). Макрон взял на себя допрос с пристрастием рабов Альбуциллы и допрос свидетелей. Тацит здесь допускает возможность подделки свидетельств, поскольку один из обвинявшихся, Луций Арринций, был личным врагом префекта (Тас. *Ann.* VI. 47. 3). Кроме того, намек на активное участие в преследовании неугодных Макроном имеется и у Диона Кассия, который пишет: “При этом вышло так, что благодаря исключительной хитрости Фрасилла в отношениях с Тиберием многие обвиняемые, и в том числе Домиций, против которого строил козни Макрон, прибегая к наговорами и пыткам, смогли сохранить жизнь” (Dio LVIII. 27. 2. – пер. А.В. Махлаюка).

Вообще, о процессах, инициировавшихся и инспирировавшихся властями в конце правления Тиберия, Тацит рассказывает довольно подробно (Тас. *Ann.* VI. 47–48). Об обвинении Домиция Агенобарба (отца будущего императора Нерона) в оскорблении величия (а также в разврате и кровосмешении) упоминает Светоний (Suet. *Nero* V, 2). Упоминаемое здесь Тацитом участие префекта претория заставляет предполагать, что солдаты гвардии также были неизбежными участниками процедуры допроса с пристрастием [13, р. 239; 14, р. 40]. К означенному времени префекты претория уже активно вовлекаются в проведение, как принято сейчас говорить, оперативно-розыскных и процессуальных действий, а также приобретают “право на наказание”, осуществлявшееся с помощью преторианцев [15, с. 167].

Несмотря на подозрения, что свидетельские показания против Альбуциллы были сфабрикованы, а прямых указаний на счет этого дела от императора не поступило, сенат продолжил судебное разбирательство (возможно, потому,

что не хотел бросать вызов Макрону). Как указывает Б. Левик, обыкновение ожидать писем от Тиберия, чтобы начать обвинения против соответствующего лица, сковывало действия сената, но предоставляло префектам претория возможности для проявления инициативы [9, р. 198]. Роль преторианцев в этих случаях не вполне ясна, но вероятно, что одной из обязанностей подначальных префекту претория солдат было ассистирование при допросе свидетелей, как это было в случае с Квинтилийей при Калигуле, и о чем сообщает Иосиф Флавий (Jos. *AJ* XIX. 1.5). Намек на эти функции гвардейцев, исходя из контекста, можно найти также у Диона Кассия (Dio LIX. 26. 4) и Светония (Suet. *Caligula* XVI. 4).

После Тиберия префекты претория продолжали принимать участие в допросах и пытках свидетелей и обвиняемых, например при Клавдии – после раскрытия заговора Луция Аррунция Камилла Скрибониана и Анния Винициана (Dio LX. 16. 3; 7; Suet. *Claud.* XLII), также при Нероне, когда префекты Фений Руф и Тигеллин приняли участие в следствии по делу о заговоре Пизона (Тас. *Ann.* XV. 58).

При Нероне полномочия префектов претория были расширены. Действительно, хорошо известно, что в начале правления этого императора власть от его имени фактически осуществляли философ Луций Анней Сенека (воспитатель императора) и префект претория Секст Афраний Бурр. Обращение Сенеки к Нерону может дать нам один из примеров делегирования в это время судебских (и не только) обязанностей командиру преторианцев: *“Animadversurus in latrones duos Burrus praefectus tuus... exigebat a te, scriberes, in quos et ex qua causa animadverti velles; hoc saepe dilatatum ut aliquando fieret, instabat”* (Seneca *De Clementia* II. 1. 2) – “Поручил бы ты Бурру, своему префекту, дело двух разбойников... которому отписал бы ты, что делать, на что и по какой причине ты бы хотел обратить внимание его относительно того, что прежде было им изложено, и на чем он в свое время настаивал” (пер. наш). Это место М. Гриффин интерпретирует в том смысле, что командир преторианцев здесь “показан выполняющим одну из рутинных обязанностей преторианского префекта, состоящую в произведении наказаний согласно объявленному и утвержденному обвинению” [16, р. 78]. Правда, этой точке зрения противостоит мнение Дж. Крука, в свое время по этому поводу высказавшегося, что Бурр был лишь “исполнителем приказов” [6, р. 301]. Однако обратим внимание на слова, которые Дион Кассий вкладывает в уста Мецената, идеолога той политической системы, которая была создана Августом, о том, что префекты должны иметь полную власть наказывать. Меценат говорит Августу о префектах претория: “Пусть они командуют как преторианцами, так и всеми остальными войсками, расположенными

в Италии, обладая властью казнить подчиненных, совершивших какие-либо преступления, за исключением центурионов и тех, кто находится в подчинении должностных лиц сенаторского ранга” (Dio LII. 24. 3. – пер. А.В. Махлаюка).

Показательным является также процесс по обвинению Агриппины Младшей, матери императора Нерона, якобы имевшей намерение свергнуть сына. Характер участия в разбирательстве Бурра показывает, сколь широкие полномочия имел префект претория, когда ему было поручено провести допрос императрицы в связи с обвинением ее в подстрекательстве Рубеллия Плавта к государственному перевороту (Тас. *Ann.* XIII. 19-21). Кажется, что Бурр применил свои полномочия в полной мере. Так, Р. Бауман обращает внимание на наречие *minaciter* (“грозно” лат.), которое Тацит использует в своем сообщении о допросе Агриппины [17, р. 212]. И У. Мак-Дермотт, видимо, имел основания написать: “Бурр проявил много больше заметной активности в этих событиях, чем Сенека, потому что он выполнял одну из тех судебных функций, которая превратила эту префектуру в общепризнанный судебный институт” [18, р. 251].

Участие Бурра в разбирательстве по “делу Агриппины” показывает, что преторианская префектура ко времени правления Нерона стала использоваться как средство конкуренции вершущи всадничества с другими группами нобилитета, что вообще было характерно для римской знати с ее “традиционным аристократическим соперничеством” [19, с. 169].

Вскоре после изложенных событий Бурр сам был обвинен в заговоре, целью которого якобы была замена Нерона на троне Фаустом Корнелием Суллой Феликсом (Тас. *Ann.* XIII. 23; Dio LXI. 10. 6). Слушания происходили перед императором, с участием префекта претория Бурра в качестве одного из судей (!). Конечно, случай удивительный, совершенно алогичный. Поэтому М. Гриффин закономерно выразила недоверие тому упомянутому Тацитом обстоятельству, что Бурр выступал в качестве судьи на процессе по своему делу [16, р. 254]. Однако Бурр был оправдан. Причем, согласно Тациту, “Бурр, хотя и числился подсудимым, подал свое мнение вместе с судьями” (Тас. *Ann.* XIII. 23. – пер. А.С. Бобовича).

Участие Бурра в составе судебной коллегии, заседавшей по этому делу, было обусловлено тем фактом, что он принадлежал к ближайшему окружению императора. И в то же время, как выразился Р. Бауман, “по явно ложному обвинению не было необходимости члену *consilium*’а покидать своего места” [17, р. 213]. Позже Р. Бауман предположил, что Бурр имел право голоса в ходе этого разбирательства “только на предварительном этапе” [20, р. 198]. Впрочем, это мнение не находит подтверждения в источниках. Участие же префекта в судебных

разбирательствах может рассматриваться как составная часть возросшей административной ответственности, делегировавшейся префектам при Нероне. Тем не менее именно потому, что префект имел военную власть, император мог поручать ему аресты, допросы, исполнение приговоров. Л. Хоу пишет: “Как командир телохранителей и личный защитник императора, преторианский префект, вероятно, должен был вызываться для участия в заседаниях в присутствии императора с самого раннего времени, было ли это заседание консультативного совещания или заседания суда” [7, р. 32].

Назначение судебных полномочий префекту, таким образом, представляется оформившимся гораздо раньше, чем это прежде считалось в науке. Приводимая ниже цитата из сочинения Тацита может свидетельствовать, что уже при Клавдии префект приобрел фактические полномочия в судебных вопросах: “В том же году от Клавдия не раз слышали, что судебные решения, которые будут приняты его прокураторами, должны выполняться с такой же неукоснительностью, как если бы их принял он сам. И чтобы не сочли его слова случайной омовкою, то же самое, еще пространнее и обстоятельнее, было закреплено в изданном по этому поводу сенатском постановлении. Ведь в свое время божественный Август повелел предоставить управлявшим Египтом всадникам право отправления правосудия и признавать за их приговорами такую же законную силу, как если бы они были вынесены римскими магистратами; затем и в других провинциях, и в самом Риме (выделено нами. – С.Т.) им были присвоены многие такие права, которыми ранее располагали лишь преторы” (Тас. *Ann.* XII. 60. 1-2. – пер. А.С. Бобовича).

Слова Тацита о предоставлении должностным лицам всаднического ранга, в том числе исполнявшим обязанности в самом Риме (*equites alias per provincias et in Urbe*), судебных полномочий должна означать, что наряду с другими представителями всаднического сословия преторианские префекты “уже приобрели известную юрисдикцию, которая определенно засвидетельствована лишь в существенно более позднее время” [21, р. 473]. Поэтому представляется доказанным, что к середине первого столетия преторианские префекты были частью императорского *consilium*’а и имели доступ на заседания, когда вопрос разбирался в присутствии императора. Можно согласиться с П. Иденом, который пишет: “В период ранней Империи *amici Caesaris* составляли неофициальную, но вполне [юридически] законную группу тех, с кем император консультировался в случаях, когда он находил это целесообразным” [22, р. 142]. Следовательно, участие Бурра в любом разбирательстве, проводившемся *intra cubiculum*, не кажется необычным и можно предположить,

что были и другие случаи, когда он принимал активное участие в разбирательствах такого рода.

К концу II в. н.э. префекты претория расширили свою судебную компетенцию настолько, что должность стала замещаться наиболее авторитетными юристами. Ф. Миллар утверждает, что "эти более широкие юридические функции должны рассматриваться как возрождение существенной роли префектов претория как защитников императора и командира когорт" [23, p. 125].

Заключение

Таким образом, очевидно, что участие префектов претория в государственной власти, возникнув благодаря охраняемым функциям гвардии, эволюционировало путем сосредоточения в руках префектов судебных (в широком смысле) полномочий. В свою очередь, ранний этап в развитии судебных полномочий преторианских префектов, первоначально ограниченных участием в допросах подозреваемых (при Тиберии), затем сменяется следующим этапом, характеризующимся расширением и дополнением данных полномочий. Использование преторианцев в задержании обвиняемых и проведении экзекуций обусловило развитие этих дополнительных функций префектов, сосредоточивших таким путем в своих руках оперативно- розыскную деятельность (во всяком случае, по отношению к государственным преступникам). Следующий шаг состоял в переходе от проведения арестов обвиняемых к участию в следственных мероприятиях, к принятию важной ответственности за судебные дела в столице. В итоге преторианская префектура оказалась наполненной политическим смыслом, став механизмом вовлечения военачальников всаднического ранга в систему государственной власти Рима эпохи Принципата.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Ушаков, Ю. А.** Преторианская гвардия в политической жизни Римской империи в I в. н.э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Ю. А. Ушаков. – М., 1992. – 14 с.
2. **Mennen, I.** Power and Status in the Roman Empire, A.D. 193-284 / I. Mennen. – Leiden-Boston: Brill, 2011. – XIV, 305 p.
3. **Маркин, А. Н.** Институт префектуры и охрана правопорядка в Римской империи / А. Н. Маркин // Вестник Удмуртского университета. – 2009. Вып. 2 : История и филология. – С. 31–44.
4. **Passerini, A.** Le cooptipretorie / A. Passerini. – Roma, 1939. – 362 p.
5. **Crook, J. A.** Consilium Principis. Imperial Councils and Counsellors from Augustus to Diocletian / J. A. Crook. – Cambridge : University Press, 1955. – XII, 198 p.

6. **Crook, J. A.** Law and Life of Rome: 90 B.C. to A.D. 212 / J. A. Crook. – New York : Cornell Univ. Press, 1967. – 349 p.
7. **Howe, L. L.** The Praetorian Prefects from Commodus to Diocletian / L. Howe. – Chicago: University Press, 1942. – XIII, 141 p.
8. **Grant, M.** The Army of the Caesars / M. Grant. – New York : Scribners, 1974. – XXXIV, 365 p.
9. **Levick, B.** Tiberius the Politician / B. Levick. – London–New York : Thames and Hudson Ltd, 1999. – XIV, 287 p.
10. **Щеголев, А. В.** Императорский культ и *lex de maiestate* / А. В. Щеголев // Древнее право. Ius Antiquum. – 1997. – № 1(2). – С. 60–64.
11. **Токарев, А. Н.** Становление официальной идеологии принципата императора Августа / А. Н. Токарев. – Харьков : ХНУ им. В.Н. Каразина, 2011. – 268 с.
12. **Barrett, A. A.** Agrippina: Sex, Power and Politics in the Early Empire / A. A. Barrett. – New Haven : Yale University Press, 1996. – 352 p.
13. **Seager, R.** Tiberius / R. Seager. – London: Blackwell Publishing, 1972. – XXV, 310 p.
14. **Barrett, A. A.** Caligula: The Corruption of Power / A. A. Barrett. – London–New York: B.T. Batsford Ltd, 1989. – XXVI, 334 p.
15. **Адаменко, И. Е.** Право на наказание как основание уголовно-процессуальной деятельности / И. Е. Адаменко // Современная научная мысль. – 2014. – № 4. – С. 167–171.
16. **Griffin, M.** Nero: The End of a Dynasty / M. Griffin. – London : B.T. Batsford Ltd, 1984. – 320 p.
17. **Bauman, R. A.** Impietas in Principem. A Study of Treason Against the Roman Emperor with Special Reference to the First Century A. D. / R. A. Bauman. – Munchen : Beck, 1974. – 366 p.
18. **McDermott, W. C.** Sextus Afranius Burrus / W. C. McDermott // Latomus. 1949. – Vol. 8. – P. 229–265.
19. **Вержбицкий, К. В.** Из истории процессов о государственной измене (*laesa maiestas*) в эпоху ранней Империи: Дело Гая Силия (24 г. н. э.) / К. В. Вержбицкий // Древнее право. Ius Antiquum. – 2000. – № 1(6). – С. 165–170.
20. **Bauman, R. A.** Women and Politics in Ancient Rome / R. A. Bauman. – London-New York : Routledge, 1992. – XVI, 294 p.
21. **Brunt, P. A.** Procuratorial Jurisdiction / P. A. Brunt // Latomus. – 1966. – Vol. 25. – P. 461–489.
22. **Eden, P. T.** Seneca's Apocolocyntosis / P. T. Eden. – Cambridge–New York : Cambridge University Press, 1984. – XII, 169 p.

23. *Millar, F.* The Emperor in the Roman World (31 BC-AD 337) / F. Millar. – London : Duckworth, 1977. – XVI, 656 p.

Поступила в редакцию 26.12.2016 г.
Контакты: e-mail: telepen_serg@mail.ru
(Телепень Сергей Валерьевич)

**Telepen S.V. EQUITES – PRAETORIAN
PREFECTS IN STATE AND POLITICAL SYSTEM
OF EARLY ROMAN EMPIRE/**

The article views the development of full powers of praetorian prefects in Ancient Rome. The analysis of narrative sources enabled the author to trace the formation of judicial functions of the

Praetorian Guard commanders during the Principate. The conclusion drawn is that apart from the specific powers relevant to the implementation of judicial duties, the Praetorian Prefecture became a mechanism involving warlords of the equestrian rank in the system of government in the Imperial Rome.

Keywords: the Praetorian Guard, praetorian prefects, nobility, imperial power, judicial authority, political development.